

УБЕЖИТ МОЛОКО ЧЕРЕМУХИ...

* * *

Жуть. Она же суть. Она же путь.
Но года склонили-таки к прозе:
Русь, ты вся – желание лизнуть
ржавые качели на морозе.
Было кисло-сладко. А потом
больно. И дитя в слезах бежало
по сугробам с полным крови ртом.
Вырвала язык. Вложила жало.

* * *

Могла бы помнить – мне было четыре,
ей – два месяца двадцать дней.
Сестра моя смерть и сегодня в могиле.
Я ничего не знаю о ней.
Не потому ли со дна веселья
смотрит, смотрит такая тоска,
словно сажу над пустой колыбелью
в халате, мокром от молока.

* * *

в сумерках сиротливо
ворона каркает
с ветром играет крапива
краплеными картами
в первом подъезде попойка
дождь накрапывает
старик несет на помойку
пальто осеннее женское добротное драповое

* * *

Зайдет за облако – темно.
Разоблачится – слишком ярко.
Невеста – белое пятно
На пестрой карте Сентрал-парка.
Фотограф пятиног. Идут
к пруду. Подол приподнимая,

пересекает яхта пруд
радиоуправляемая.

* * *

Не знаю, не уверена
одна я? Не одна?
Как будто я беременна,
а на дворе война.
Раздвоенность не вынести,
не выплакать до дна...
Как будто мама при смерти,
а на дворе весна.

* * *

Люблю. И потому вольна
жить наизусть, ласкать с листа.
Душа легка, когда полна,
и тяжела, когда пуста.
Моя — легка. Не страшно ей
одной агонию плясать,
зато я родилась в твоей
рубашке. В ней и воскресать.

* * *

Хороша? И речи нет!
Не дыша, смакую
ласки тонкий комплимент,
сделанный вручную.
Тело мелко кроши,
лаской приручая
божью ласточку души,
в ней души не чая.

* * *

Я на разлуки не сетую.
Разве в разлуках дело?
Выйдешь за сигаретами,
вернешься — а я постарела.
Боже, какая жалкая,
тягостная пантомима!
Щелкнешь во тьме зажигалкою,
закуришь — и я нелюбима.

* * *

А я сама судьбу пряду,
и не нужны помощницы.
У парки в аэропорту
конфисковали ножницы.

Упала спелая слеза
и задрожали плечики,
но таможенник ни аза
не знал по-древнегречески.

* * *

Мыло, веревка,
стул – повесить носки.
Как-то неловко
подышать от тоски.
Бездна беззвездна
и темно под водой.
Мне уже поздно
умирать молодой.

* * *

Убежит молоко черемухи,
и душа босиком убежит
по траве, и простятся промахи
ей – за то, что не помнит обид,
и очнется мечта-заочница,
и раскроет свою тетрадь...
И не то чтобы жить захочется,
но расхочется умирать.

* * *

День катился золотой,
в проточном воздухе реяли
между небом и землей
сигналы точного времени.
Материл коров пастух,
солнце ласкало нас, голеньких,
превращая в птичий пух
шерсть на предплечьях и голенях.

* * *

Обгорелой кожи катышки,
у соска засос москита...
Одеянье Евы-матушки
словно на меня пошито.
Муравей залезет на спину,
стрекоза на копчик сядет...
Запасаю лето на зиму.
Знаю: все равно не хватит.

* * *

Храм. Тропинка под откос.
Тихий омут, где
водомерка, как Христос,
ходит по воде,

где, невидимый в кустах,
Павел, Петр, Андрей,
от апостольства устав,
ловит пескарей.

* * *

В тюрьму не сесть, в долги не влезть,
себя не пережить...
Спасибо, Господи, что есть
о чем тебя просить.
Сны не чисты, мечты пусты,
постыдна болтовня...
Спасибо, Господи, что ты
не слушаешь меня.